

Тина БАРКАЛАЯ:

Все аварии случались

Вег. Ноябрь, -2000. - Н.Шанс. - С. 4
СО МНОЙ ПО ВИНЕ МУЖЧИН!

Режиссер Тина Баркалая. На счету — множество отечественных рекламных роликов. Обладательница 15 наград и призов различных фестивалей, в том числе «Лучшая режиссерская работа» на фестивале «Терем». Вместе с оператором Максимом Осадчим она вышла в финал «Эпики», самого крупного европейского фестиваля рекламы. Последний приз — «Дебют Кинотавра» за рекламный ролик кетчупа с буфетчицей Люсей, которая произносит сакраментальное «А чё?».

Кристина ХАЧАТРЯН

— Откуда она, Люся?

— Люся — родственница персонажей, которые были популярны в 70—80-х годах, — это достаточно простые люди. Вспомним «Афоню», «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит», простецкую героиню Муравьевой, которая принимала одежду в химчистке. К слову, немало споров было по поводу того, насколько прилично говорить на экране «А чё?».

— Легко удалось найти актрису?

— Легко, по кастингу. Придумав Машу и Люсю, я стала просматривать претенденток. Понравилась Людмила Артемьева, потрясающая актриса Ленкома. Если помните, в другой рекламе она еще произносит «Надо — так надо». Она там совершенно другая.

— Ролик с Люсей демонстрировался в Сочи. Чего вы ждали от «Кинотавра»?

— «Дешевой» популярности. Удовлетворения творческих амбиций. Мне понравилась фраза Ларса Фон Триера во время вручения ему в этом году «Золотой пальмовой ветви» на Каннском кинофестивале: «Призы, как опиум: когда не получаешь призов, очень их не любишь, а когда получаешь, то начинаешь их любить и хочется еще и еще».

— Сколько стоит ролик?

— Он может стоить и 3 тысячи долларов и 300 тысяч. Очень разные бывают заказчики. Но я не вникаю в эти тонкости, если бы меня это увлекало, я бы давно ушла в продюсеры.

Сейчас очень тяжелая ситуация с рекламой. Я говорю как режиссер, который не работает с агентствами. Сетевые агентства занимаются тем, что принимают западных режиссеров и операторов. Они и снимают рекламные ролики для нашего рынка. Вы представьте себе, если я сейчас сунусь во Францию или Америку снимать там ролик! Меня через 24 часа депортируют. А у нас просто нет нормального профсоюза. Наши талантливые ребята теряют заказы, а западные второсортные режиссеры здесь снимают. Это нонсенс, скандал. Видимо, нашим агентствам так работать выгодно.

— От западной рекламы мы намного отстали?

— Разве только по уровню техники. Все зависит от бюджета. Если маленький бюджет, сэкономишь на пленке. А она, к слову, довольно дорогая. Отстаем, конечно, но несильно. Мы такой сделали рывок за последние десять лет! Хотя реклама была у нас еще до революции. Я недавно с удивлением узнала, что фраза «Реклама — двигатель прогресса» принадлежит русским. Оказывается, Гиляровский был не только писате-

лем, а хозяином одного из самых крупных рекламных агентств. И в российских издательствах, и в Америке была его реклама.

А сильнее брэнда Советского Союза не было ничего: удачное сочетание красного и золотого, серпа и молота — это ведь та же реклама, реклама строя. Просто раньше это слово употребить было нельзя.

— Давно занимаетесь рекламой?

— Снимаю рекламу где-то с 1991 года, начиная со второго курса ВГИКа, режиссерский факультет которого я окончила. Когда-то мой сокурсник Толя Берсенев в титрах написал свое имя и фамилию так: Алабама Берс. Я его спросила: ты меня под каким псевдонимом выведешь в титрах? Он: а зачем тебе что-то придумывать, если у тебя и так имя звучит как псевдоним.

— Чему отдаете предпочтение: рекламным роликам или музыкальным клипам?

— Признаться, я не увлекаюсь клипами, делаю их не так часто. В одном клипе снималась сама. Это был клип на песню Мурата Насырова «Мальчик хочет в Тамбов». Самый мой любимый — клип Бориса Гребенщикова «Маша и медведь», потому что это БГ! Здесь не было никакой материальной заинтересованности, я делала это для себя.

— Можете привести примеры удачных рекламных роликов?

— Работа Тимура Бекмамбетова: йогурт с облизыванием крышечки. Замечательный ролик с рекламой фирмы, занимающейся отращиванием волос, помните: «А тебе, лысый, я телефон не дам».

— В работе были казусы?

— Помню, мы делали ролик к Московскому кинофестивалю 1995 года, взяли девушку из модельного агентства. Сшили для нее костюм, завтра съемка, сегодня примерочный день. Приходит девушка. Я смотрю на нее, она тихо очень разговаривает, сквозь зубы, еле открывая рот. И я говорю: «Простите, вы не могли бы улыбнуться». Она улыбается, и я вижу, что у нее в зубах специальная металлическая пластинка для исправления прикуса. Я в отчаянии: «Что же делать, ведь завтра съемка!» А она в ответ: «Ну и что? Ведь Мэрилин Монро посылала воздушные поцелуи, не открывая рта». В конце концов вместо одной «Монро» мы снимали двух: у одной снимали фигуру, у другой — лицо.

Или снимаем как-то ролик.

Подъезжает машина. Продюсер говорит водителю: «Что ж у тебя машина грязная, вот тебе тридцатник, помой ее». Потом оказалось, что это был не водитель, а заказчик. При этом он действительно поехал и вымыл автомобиль».

— Легко быть женщиной-режиссером?

— Без проблем. Я женщина-режиссер, и это звучит, наверное, гордо. Это очень хорошая профессия и абсолютно бесполая. Я не люблю женщин-режиссеров, которые снимают только на женские темы. Исключение — замечательная Алла Сурикова. Считается, водить

автомобиль не женское дело, ничего подобного, я вожу машину очень хорошо. Все аварии, которые случались со мной, происходили по вине мужчин. Женщины, по статистике, в три раза спокойнее водят машину. Мы терпеливы и спокойны, может быть, в чем-то эмоциональны, но, благодаря терпению, все сможем пережить.

— В работе тоже проявляете терпение и спокойствие?

— Именно так. Люблю спокойную обстановку, комфорт на площадке. Люблю звать всех по именам. Не могу на кого-то кричать. Лишь однажды я вышла из себя, когда во время съемок обнаружила пропажу своего талисмана — кинохлопушки, которую я всегда вожу с собой. И тут неожиданно для себя мертвым голосом произнесла: «Если в течение пяти минут у меня не будет хлопушки, я ухожу». Через четыре минуты у

меня было четыре хлопушки (в том числе и моя), причем одну из них только что сделали и еще не успели раскрасить. Это плюс моей съемочной группе — она оперативна и мобильна. Как правило, для меня самое главное на площадке: если у кого-то есть претензии, кто-то кем-то недоволен, ни в коем случае нельзя этого показывать при всех. Любый человек, до водителя и уборщика, должен чувствовать себя комфортно.

— Что для вас значит «счастье»? Семья?

— Я не замужем, живу с родителями и старшей сестрой-пианисткой Нино. У меня строгая мама. Я воспитывалась в традиционной грузинской семье. Слово мамы (как носителя хорошего вкуса) для меня очень важно. Если ей что-то нравится — это победа. Мы никогда не были брошенными детьми, не ходили в детские сады, на продленки.

К замужеству у меня далеко не кавказский подход. Я считаю, надо выходить замуж, когда к этому готова морально и материально. Этим мне и нравится западный подход. Мы ведь несем ответственность за детей, которых рожаем. Я бы хотела уделять им должное внимание, а не оставлять их потом с бабушкой и дедушкой.

Мне нравится выражение одного моего друга: «Как рассмешить Бога? Построить грандиозные планы». Поэтому я не строю планов: как сложится, так и сложится. Хорошо бы родить ребенка, и не одного, но надо найти отца. У Маркеса есть определение любви: ты понимаешь, что готов и можешь с этим человеком состариться. На любовь стали смотреть с научной точки зрения. Что ж, можно называть любовь химией, но я предпочитаю думать, что это не какие-нибудь там бактерии.